

Публичная лекция и диспут в культурном ландшафте Тюмени

«Свободный университет»¹ принадлежит целому классу популярных среди современных горожан самоорганизованных интеллектуальных досугово-коммуникативных сообществ². Нельзя не заметить, что организаторами и участниками большинства таких сообществ чаще всего становятся люди, связанные с городскими научно-культурными центрами — университетами, библиотеками, музеями. Они привносят в сферу городского досуга такие виды коммуникации, как лекция и диспут. Казалось бы, трудно найти менее сочетающиеся друг с другом слова, чем «досуг» и «лекция», однако мода на интеллект захватывает горожан, как любая другая мода. Для многих из них посещение публичных лекций с последующим обсуждением стало столь же изысканным развлечением, как поход в театр или на выставку³. С другой стороны, начиная свою лекцию в «Свободном университете», ту самую, стенограмма которой опубликована на следующих страницах, профессор А. Г. Еманов заметил, что «сейчас новые идеи в науке появляются, как ни странно, не в классических университетах, а в новых, свободных и неформальных образовательных форматах, примером которых может служить и тюменский “Свободный университет”». Думается, мы лучше поймем идею «Свободного университета», ее связь с научной и общественной жизнью, если поместим ее в контекст истории институтирующих неформальные интеллектуальные сообщества жанров — публичная лекция и диспут.

Традиция чтения университетскими профессорами публичных лекций зародилась в России в XIX в. Наиболее яркие представители высшего образованного класса входили в круг «властителей дум» российского общества или, как сказал бы американский антрополог, исследователь различных, в том числе академических, «собраний и сборищ людей», И. Гофман, «стражей когнитивного порядка», символизирующих «общественную поддержку истины и справедливости». Академическая кафедра, точно так же, как и высокий государственный пост, «ставит своего обладателя в особое отношение к реальности. Он воспринимается как представитель реальности. Будучи обману-

---

¹ «Свободный университет» — образовательная некоммерческая инициатива, возникшая в 2011 г. и позиционирующая себя как «открытая академическая площадка для получения новых знаний и свободного обмена мнениями» (см. страницы проекта в соцсетях Facebook: <https://www.facebook.com/freeuniversity72> и ВКонтакте: <http://vk.com/freeuniversity72>). Организаторы СУ: Андрей Кутузов (в 2011 г. — к. филол. н., преподаватель кафедры перевода и переводоведения ТюмГУ, в настоящее время — научный сотрудник НИУ ВШЭ, г. Москва), Михаил Агапов (в 2011 г. — к. и. н., преподаватель кафедры новой истории и международных отношений ТюмГУ, в настоящее время — д. и. н., в. н. с. Института проблем освоения Севера СО РАН), Дарья Мышленникова (в 2011 г. — преподаватель кафедры издательского дела и редактирования ТюмГУ, в настоящее время — журналист). Летом 2014 г. СУ завершил свой 4-й сезон. К этому времени в рамках проекта прошел один семинар, было прочитано 42 научно-популярные лекции. Лекторами СУ были ученые, вузовские преподаватели, общественные деятели из Тюмени, Тобольска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Москвы. С кафедры СУ выступило 9 докторов наук и 17 кандидатов наук. Организаторы СУ приглашали и «физиков», и «лириков», стремясь представить публике все направления современной научной мысли. Лектории проходили в кофейне «Книжка», в Благотворительном фонде развития города Тюмени, на других площадках. С 2013 г. лектории СУ проходят в пресс-центре «Вслух.ру» в прямом интернет-эфире (видеоархив лекций см.: <http://www.vsluh.ru/special/univer>).

² Рушка Г. Л. Интеллектуальный досуг жителей мегаполисов: теория и современная практика. Красноярск, 2008. С. 32.

³ Хасянова Н. В. Мода на интеллект // Современная библиотека. 2013. № 7. С. 44.

тым или обманывая сам, он наносит ущерб не только собственной репутации — страдает «репутация» самой реальности»¹. Именно поэтому в наиболее сложные периоды истории образованные горожане обращались к людям науки, заметим — гораздо чаще, нежели к государственным мужам, чтобы «обрести ясность»² «в пределах недвижного мира (*unkinetic world*), предположительно поддерживаемого на лекциях»³. Так, открытие в Санкт-Петербургском университете в 1869 г. первых публичных лекториев стало крупным событием общественной жизни эпохи великих реформ. Вместе с тем для образованной публики это был и особенный вид развлечения, сродни посещению модного спектакля, и способ самопозиционирования: публичные лектории так же, как и полуподпольные кружки, являлись обязательными атрибутами повседневной жизни дореволюционной российской интеллигенции.

В советский период публичные лектории служили важнейшим каналом государственной пропаганды, идеологической индоктринации населения. Несомненно, они выполняли и научно-просветительскую функцию, однако на первом месте, как видно хотя бы из полного названия⁴ созданного в 1947 г. всесоюзного общества «Знание», стояло «распространение политических знаний». В Советском Союзе подлинными «стражами когнитивного порядка» (в данном случае гофмановский термин звучит по-оружелловски зловеще) были партийные органы. Они мобилизовали на идеологический фронт представителей советской интеллигенции: «инженеров и техников, учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства, работников искусства, печати, радио, культурно-просветительских учреждений», перед которыми ставилась задача изо дня в день разъяснять «трудящимся в беседах и лекциях, в печати, по радио и телевидению внешнюю и внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского правительства, исторические решения... Пленумов ЦК КПСС... сессий Верховного Совета СССР, принципы пролетарского интернационализма, великие идеи марксизма-ленинизма»⁵.

Ядро созданной в 1948 г. Тюменской областной организации общества «Знание» составили преподаватели Тюменского педагогического института. В 1970-е в состав ТООО «Знание» входили 2 окружные, 44 городские и районные и 1377 первичных организаций. Под эгидой ТООО «Знание» в городах и районах Тюменской области было открыто 366 народных университетов. В ряды тюменского общества «Знание» было призвано 1823 преподавателя высших и средних учебных заведений и 353 сотрудника научных заведений, из них 600 докторов и кандидатов наук. Общее число лекторов ТООО «Знание» составляло 25 тысяч человек. Помимо преподавателей вузов и сотрудников НИИ ими также являлись партийные функционеры и хозяйственные работники. Лекторы буквально шли в народ: они выступали на заводах и фабриках, в колхозных клубах, в отдельных бригадах, «на выпасах, на отдаленных отгонных пастбищах»⁶. Распространенной практикой было чтение лекций «в нагрузку» к основному мероприятию (киносеансу, концерту, танцевальному вечеру)⁷. Не случайно в Советском Союзе самой

---

¹ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004. С. 574.

² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2013. С. 542.

³ Goffman E. *Forms of Talk*. Philadelphia, 1981. P. 162.

⁴ Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

⁵ Собрание интеллигенции города Тюмени // Тюменская правда. 1958. 28 дек. С. 3.

⁶ Марков Л. Лекциями остались довольны // Тюменская правда. 1959. 17 июня. С. 3.

⁷ Колоколович О. И лекции, и концерты // Тюменская правда. 1983. 4 мая. С. 3.

популярной, хотя так и не прочитанной, была лекция астронома Никадилова «Есть ли жизнь на Марсе?»¹.

К чтению просветительских лекций, проведению политинформаций, бесед активно привлекались студенты: отправляясь на производственную практику, они получали соответствующие путевки-задания. Выглядело это так: «студентка лечебного факультета 6 курса И. Герасимова на практике в поликлинике № 1 г. Кургана прочитала персоналу лекцию “Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!”», провела политинформации “Основные направления внешней политики КПСС на современном этапе” и “Маоизм — враг мира”, а также беседу “Алкоголизм и борьба с ним”². В одном лишь 1976 г. лекторами ТООО «Знание» было прочитано 158 тысяч лекций³. Качество лекций нередко оставляло желать лучшего «из-за отсутствия [у лекторов] наступательности, из-за беспристрастного изложения статистических данных, отсутствия дифференцированного подхода к каждой аудитории»⁴. Требования повысить уровень лекций на общественно-политические темы появлялись на страницах областных газет с постоянством, сопоставимым со столь же регулярными требованиями навести порядок в работе общественного автотранспорта.

Партийные органы затрачивали массу времени и сил на повышение эффективности «лекториев» главным образом посредством идеологической обработки самих лекторов. Только в 1975–1976 гг. было проведено 60 областных и 1070 городских и районных методических семинаров «в помощь лектору»⁵. В вузах Тюмени создавались Школы молодых лекторов⁶. В позднесоветский период, в частности в эпоху Андропова, перед лекторами ставилась задача укреплять порядок на производстве путем формирования у рабочих высоких нравственных качеств⁷, разоблачать «подрывную пропаганду империализма, прежде всего американского» и «развивать политическую бдительность»⁸. Партийные функционеры устанавливали идеологические рамки, пределы которых, впрочем, были достаточно широки для того, чтобы увлеченные своим предметом преподаватели и ученые могли развивать жанр публичной лекции в подлинном научно-просветительском ключе. Доцент кафедры русской и советской литературы Тюменского госуниверситета В. А. Рогачев разрабатывал «концепцию лектора» (по мнению В. А. Рогачева, лектор должен быть одновременно драматургом, актером и чтецом⁹),

---

¹ В музыкальной кинокомедии Э. Рязанова «Карнавальная ночь» (1956 г.) лектор из «общества по распространению» астроном Никадилов должен был в новогоднюю ночь на костюмированном карнавале в Доме культуры прочитать «коротенько, минут на сорок» лекцию на тему «Есть ли жизнь на Марсе?». Лекция была сорвана, так как молодые работники Дома культуры, приготовившие веселую развлекательную программу, подпоили Никадилова.

² Корнилова А. Лектора готовят в вузе // Тюменская правда. 1979. 15 нояб. С. 3.

³ Нестеров И. Слово зовет вперед // Тюменская правда. 1977. 12 июля. С. 3.

⁴ Ковденко Р. Важная задача лекторов // Тюменская правда. 1983. 18 мая. С. 3.

⁵ Нестеров И. Слово зовет вперед. С. 3.

⁶ Корнилова А. Лектора готовят в вузе. С. 3.

⁷ Ковденко Р. Важная задача лекторов. С. 3.

⁸ Данилов В. Слово великой правды // Тюменская правда. 1983. 21 сент. С. 3.

⁹ Интересно заметить, что рассуждения В. А. Рогачева во многом созвучны рассуждениям И. Гофмана, рассматривавшего лектора как «целый комплекс различных явлений». В частности, И. Гофман выделял следующие аспекты лектора: принципал, стратег, аниматор, фигура. Подробнее см.: Goffman E. Forms of Talk. P. 160–196.

которая выносилась на широкое общественное обсуждение¹. В 1970–1980-е гг. возникли новые формы образовательных лекториев. Декан историко-филологического факультета ТюмГУ В. А. Данилов вел на областном телевидении в прямом эфире передачу «Обзор современной международной политики»². В Тюменском индустриальном институте действовал учебный телецентр, программы которого также транслировались в областном телеэфире³. Помимо преподавателей индустриального института в передачах принимали участие их коллеги из педагогического, медицинского и сельскохозяйственного институтов Тюмени. «Лекции сопровождаются кадрами, передающими атмосферу производства, фрагментами опытов, развернутыми схемами, кинолентами»⁴. Регулярное появление вузовских преподавателей на телеэкранах превращало лектора, как бы сказали сейчас, в медийную фигуру.

Другим жанром, институтирующим интеллектуальные досугово-коммуникативные сообщества, является диспут. Американский социолог, исследователь интерактивных ритуалов научных сообществ Р. Коллинз определяет диспут как «формализованный спор, т. е. некоторый отрезок времени, в течение которого... задаются вопросы и ведутся споры; также часто происходят взаимные опровержения в круговой структуре, напоминающей равным образом кольцо кула, потлач и вендетту»⁵. Диспут является основной формой жизни науки. В советской высшей школе диспуты велись преимущественно в рамках студенческих научных обществ, которые «в известной степени были призваны заменить собой кружковую форму взаимодействия студентов и преподавателей, существовавшую в стародавние времена»⁶.

В период формирования в Тюмени собственного культурного слоя, совпавшего с послевоенными годами, диспуты были в основном «кухонными». Так, своеобразной Меккой встреч преподавателей историко-филологического факультета Тюменского пединститута была квартира профессора П. И. Рощевского⁷. В центре внимания таких неформальных собраний часто оказывались важнейшие события внутренней и международной политики. По воспоминаниям дочери профессора Рощевского, Л. П. Рощевской, «вечерами молодые коллеги отца... собирались у нас, просматривали газеты и рассуждали о том, что поздравление главы какого-то государства [советскому лидеру] напечатано только через столько-то дней. Значит, делали вывод посетители, дипломатические отношения СССР с данным государством несколько натянуты»⁸. За пределами семейных и дружеских кругов «мало кто решался демонстрировать самостоятельность мышления, поэтому преподавательским коллективом указания ЦК воспринимались как руководство к действию, официальный курс сомнению не подвергался»⁹. Первые серьезные дискуссии в Тюменском пединституте фиксируются только после XX съезда

---

¹ *Рогачев В. А.* За границей лекции // Тюменская правда. 1979. 15 мая. С. 3.

² *Бакулина Т. И.* Факультет истории и политических наук: главы жизни. Тюмень, 2005. С. 151.

³ *Тереб В.* Лекция по... телевизору // Тюменская правда. 1979. 16 нояб. С. 4.

⁴ *Афанасенкова М.* Телевидение в вузе // Тюменская правда. 1983. 14 янв. С. 3.

⁵ *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford, 2004. P. 28.

⁶ *Пушкарева Н.* Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. № 13. С. 168.

⁷ *Бакулина Т. И.* Факультет истории и политических наук: главы жизни. С. 23.

⁸ *Рощевская Л. П.* Государственные события 1950–1970-х гг. в повседневной жизни и восприятии провинциального историка // Историк и его эпоха: II Даниловские чтения, Тюмень, 20–22 апр. 2009 г. Тюмень, 2009. С. 396–397.

⁹ *Бакулина Т. И.* Факультет истории и политических наук: главы жизни. С. 16–17.

КПСС, когда в центре внимания оказываются коллизии советской истории 1930-х гг. «Осторожные, но нарастающие споры по этим вопросам вспыхивали на заседаниях кафедры истории, в студенческой “курилке”»¹.

Диспуты на общественно-политические темы, например такие как «Готов ли ты жить при коммунизме?»², стали популярны в период «оттепели». В 1960-е гг. диспуты, беседы, круглые столы активно применялись во внеучебной работе со студентами, однако в ходе семинарских занятий они использовались крайне редко и далеко не всегда успешно. Как следует из воспоминаний студентов тех лет, формат семинаров был школярским: студентов «вызывали отвечать»³. Отмечается, что «практические занятия нередко сводились к чтению студентами плохо подготовленных рефератов»⁴.

Стремительное превращение Тюмени в 1970-80-е гг. из заштатного места в региональную «столицу городских профессионалов»⁵ стимулировало формирование нового культурного ландшафта. Развитие жанра диспута в это время шло преимущественно в лоне дискуссионных клубов, андеграундных тусовок. Дело в том, что полноценный диспут возможен лишь при условии выстраивания равноправных горизонтальных отношений между его участниками, порождающих устойчивые порядки «взаимных опровержений в круговой структуре»⁶. В академической среде этот идеал часто остается недостижимым. Преподаватель, ведущий занятие или заседание научного кружка, председатель секции научной конференции «монополизирует дискурс», ему вверен «контроль над тем, кто получает слово»⁷. Все вертикальные порядки коммуникаций со временем в большей или меньшей степени ритуализируются, зачастую во главе угла оказывается «соблюдение процедуры», «формальных требований». Условный лектор всегда имеет возможность увеличить или сократить символическую дистанцию между ним и слушателями, но даже в этом случае структура дискурса остается односторонней, по крайней мере до тех пор, пока лектор не начнет участвовать в споре на равных со своими слушателями. С другой стороны, участие в научном диспуте требует от условных слушателей соответствия его уровню. Как замечает Р. Коллинз, интеллектуальные сообщества «обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными участниками, чем с аутсайдерами»⁸.

В 1990 — начале 2000-х гг. в университетском мире Тюмени возникло множество «клубов» и «салонов». Их общей характеристикой является горизонтальный порядок коммуникаций. Различия обнаруживаются в параметрах сред: гомогенной в «клубах» и гетерогенной в «салонах». Ж.-П. Сартр описывает «клубное» сообщество как «эксцентрическую и утонченную касту, чьи контакты с остальным населением сведены к минимуму». Наоборот, «салон» представляет собой широкий и разнообразный круг собеседников, это «особый род приятного времяпрепровождения», помогающий «сблизить политиков, финансистов и высокопоставленных военных с литераторами»⁹.

Традиция «салонных» собраний восходит к общественно-политическим диспутам времен перестройки. Особенностью «салонных» лекториев и диспутов является, во-

¹ Бакулина Т. И. Факультет истории и политических наук: главы жизни. С. 21.

² Карабанова Л. Интересный диспут // Тюменская правда. 1959. 19 апр. С. 2.

³ Дубовская Е. Учитель Рошевский и его ученики // Тюменская правда. 2013. 16 мая. С. 3.

⁴ Бакулина Т. И. Факультет истории и политических наук: главы жизни. С. 12.

⁵ Бахитановский В. Город-шанс // Тюмень: старт века. Тюмень, 2006. С. 422.

⁶ Collins R. Interaction Ritual Chains. P. 22.

⁷ Ibid. P. 24.

⁸ Ibid.

⁹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. М., 1999. С. 145.

первых, превращение тривиального события «лекция» в увлекательное, по крайней мере для данной аудитории, досуговое мероприятие; во-вторых, редуцирование формальных и усиление существенных аспектов событий «лекция» и «диспут»; наконец, в-третьих, их максимальная открытость¹. «Салонные» собрания являются для их участников важным средством самовыражения, точнее, как сказал бы И. Гофман, «представления себя другим». Здесь, как замечает Ж.-П. Сартр, процветает «искусство салонных разговоров», «дамы и господа заняты сохранением своей культуры и манер»². В данном случае — скорее наработкой и демонстрацией манер «университетских интеллектуалов»³.

В начале 2010-х гг. выраженная политизация университетских «салонов» стала все чаще вызывать тревогу, а иногда и прямые санкции со стороны вузовской администрации. Это обстоятельство, с одной стороны, и стремительное развитие городских «третьих мест» (клубов, кафе и антикафе, зачастую изначально заточенных под различные креативные проекты), с другой, способствовали выходу ряда вузовских «салонов» в городскую среду. В частности, именно таким образом появился «Свободный университет», организаторы которого считают свой проект прямым продолжением действовавшего в ТюмГУ в 2004–2007 гг. «Свободного метафизического университета им. Хомякова» («хомяков»). В 2012 г. возник «Тюменский интеллектуальный клуб». В рамках вузов продолжили работать дискуссионно-просветительское общество «Ъ» (ТюмГУ), Тюменский молодежный консервативный клуб (ТюмГНГУ). Примерами успешных «клубных» проектов являются Museum medievalium (ТюмГУ), философский клуб «Пифагор» (ТГАМЭУП) и др.⁴

Главным мотивом организаторов и участников интеллектуальных досугово-коммуникативных сообществ было и остается стремление развивать городскую интеллектуальную среду. Отвечая на вопрос журналиста о причинах создания «Свободного университета», Андрей Кутузов сказал: «Мы чувствовали свою ответственность перед городом как представители в некотором роде академической науки. Я глубоко убежден, что одна из важных функций академического сообщества — всемерное распространение знания, повышение общего интеллектуального уровня социума. Собственно, ради этого социум ученых и содержит»⁵.

*Михаил Геннадьевич Агапов,
д. и. н., ведущий научный сотрудник,
Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень, Россия
E-mail: tagapov74@gmail.com*

---

¹ Агапов М. Г. Структурная контекстуализация события «публичная лекция» // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сб. статей IV Всероссийской научной конференции, Тюмень, 25 мая 2013 г. Тюмень, 2014. С. 7–12.

² Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. С. 126.

³ Агапов М. Г., Корандей Ф. С. Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4. С. 133–141.

⁴ Агапов М. Г. Неформальные интеллектуальные группы как форма самоорганизации современной российской интеллигенции (на примере городских интеллектуальных групп Тюмени) // Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе: сб. статей. М., 2013. С. 99–107.

⁵ Криницкая Т. Свободный университет online // Читаем вслух. 2013. 5 сент. С. 16.